

ОКСАНА СЕМЫК

РОМАНТИЧЕСКИЙ ДЕТЕКТИВ

*Калкан
на охотника*

Оксана Семьк

Капкан на охотника

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=17414313

Аннотация

Иронический детектив, триллер и любовный роман «в одном флаконе». Девяностые годы двадцатого века. Татьяна Рощина, разведенная женщина слегка за тридцать, не прочь устроить вновь свою личную жизнь, разместив брачное объявление в Интернете. Но погибает ее подруга, и Татьяна случайно выясняет, что эта смерть – не единственная в цепочке других, подозрительно похожих преступлений. Обстоятельства складываются так, что Татьяна начинает на свой страх и риск самостоятельное расследование. В это же время в ее жизни появляются ищущие ее внимания мужчины. Неужели кто-то из них – серийный убийца? Самое ужасное, что маньяк начинает охоту и на нее. Сможет ли Татьяна расставить ему ловушку?

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	10
Глава 3	18
Глава 4	25
Глава 5	31
Глава 6	42
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Оксана Семык

Капкан на охотника

Глава 1

Я бегу из последних сил сквозь какие-то заросли, больно царапающие моё обнаженное тело. Бешено колотящееся сердце, кажется, готово взорваться. Только бы не упасть! Бежать! От того, кто преследует меня, распространяя тяжелые флюиды опасности. Но огромная, всеобъемлющая усталость валит меня на землю. Словно что-то неумолимое и неизбежное, нависает надо мной лицо моего преследователя, и я чувствую, как стальное лезвие сперва натягивает кожу на моём животе, а после с непередаваемо отвратительным ощущением входит в плоть...

Звонок будильника подбрасывает меня и вырывает из этого тягучего, тяжелого состояния ожидания собственной смерти. Я смотрю прямо перед собой ещё ничего не видящими глазами и тяжело дышу, пытаюсь успокоиться. Рука непроизвольно тянется к животу, к тому месту, где холодное лезвие касалось кожи. Пальцы ощущают только знакомый шрам после аппендицита. Постепенно начинает возвращаться ощущение реальности. Вместе с ним приходит доса-

да. Ну чего хорошего можно ожидать от так отвратительного начавшегося дня? Выпростав ноги из под одеяла и сунув их в тапочки, я на ощупь, в утренних осенних сумерках, плетусь в ванную.

Щелкает выключатель. Зеркало отражает загнутое выражение в моем взгляде, перед которым все еще стоит эта бесконечная погоня по темным зарослям. Вроде бы обычный кошмар – с кем не бывает! – но какой-то липкий, не желающий отпустить. Я испуганно оглядываюсь в неосвещенную комнату, словно там притаился кто-то, имеющий отношение к моему жуткому сну. Да, нервишки ни к чёрту.

Я пытаюсь скроить бодрую мину в зеркале и произношу нарочито громко: "Расслабься, старушка!" Но от звуков собственного голоса, гуляющих по пустой квартире, мне снова становится не по себе, я торопливо зажигаю свет в комнате и иду на кухню ставить чайник. Пока тот закипает, пытаюсь навести порядок на помятом лице. Кажется, мне это удастся, вот только в глазах еще плещется что-то тревожное. Схватив с полки и натянув первый попавшийся под руку свитер, напяливаю джинсы и собираю волосы в "хвост".

Пора завтракать, но аппетит сегодня предпочел не появиться. Тем лучше. Я опрокидываю в организм чашку кофе, натягиваю куртку, шапку, хватаю сумку и вылетаю на

лестничную площадку.

Часто ломающийся, хронически больной старый лифт сегодня не подвёл. Скрипнув исцарапанными створками, он нехотя принял меня в свои припахивающие мочой глубины, закрылся и, надсадно поскрипывая блоками, заскользил вниз. Обычно я выхожу из дома намного позже, но сегодня мне хочется скорее попасть на улицу, к людям, окунуться в уже закипающий ежедневный водоворот.

Около автобусной остановки, пытаясь убить лишнее время, я изучаю стихийно возникшую доску объявлений. Мне любопытно читать эти разнокалиберные бумажки, шуршащие бахромой телефонов, отражающие чьи-то жизни, словно осколки зеркала. "Куплю", "Продам", "Обменяю", "Помогу". Век их недолог. Первый же ливень размочит на них чернила, и объявление "Ищу" заплачет фиолетовыми слезами, добавляя трагизма в содержание.

Подходит автобус, я инстинктивно бросаюсь в его сторону, но тут же одёргиваю себя: ещё слишком рано ехать на работу. Офис закрыт, и не хочется с глупым видом торчать у входа. Продолжаю чтение объявлений. Сегодня, как назло, почти все они из самой скучной категории – на тему обмена жилплощади. "Обмен", опять "Обмен", снова "Обмен". Непрошено всплывают воспоминания о том, как долго

и трудно делили с бывшим мужем при разводе квартиру. Тогда, проходя через мучительный разрыв, я внимательно изучала любые предложения об обмене во всех газетах и на всех столбах. Именно с тех пор у меня и осталась эта привычка читать уличные объявления.

Я гоню от себя мысли о прошлом. Ведь не раз зарекалась больше не разводить сопли, а с оптимизмом смотреть в будущее. В конце концов, тридцать один год – ещё не старость, а развод – не конец света. Как там в этой забавной поговорке? "Мужик – что трамвай. Уехал – не догоняй, жди следующего". Вот я и жду. Три долгих года. Как дура. Чего жду – сама не знаю толком. В ухажёрах отбоя нет, но всё не то. Все они пресные какие-то, скучные. Другая бы цепляла первого попавшегося и рада была, что не одинока. А я так не могу. Хочется единения душ, понимания с полуслова, влюблённости по уши. "Прынца" на белом коне, одним словом. Все ближайшее окружение, а также кандидатуры всех знакомых до пятого колена уже просеяны на предмет "мужепригодности" и отвергнуты в виду полного несоответствия идеалу. Осталось только опуститься до знакомства на улице или в каком-нибудь кафе...

Мысль останавливается, натываясь на очередное объявление: "Интернет-знакомства. Лучший способ поиска партнера для счастливого брака. Тел. 92-22-72. Спросить Ирину".

Что-то раньше оно не попадалось на глаза. Наверное, повесили недавно, а уже все полоски с телефонами, кроме одной, оторваны. Пожимаю плечами. Что ж, судя по всему, бизнес у мадам Ирины идёт неплохо.

Я уже собираюсь отвести глаза от прочитанного объявления, но эта оставшаяся нетронутый, одиноко полощущаяся на ветру полоска с шестью цифрами притягивает взгляд, словно не случайно она уцелела, а, наконец, дождалась того, кому была предназначена. Уже слегка выцветшие буквы почему-то вдруг на мгновение наполняют сердце надеждой, и я, воровато оглянувшись: не смотрит ли кто, быстро отрываю и сую в карман узкую бумажную ленточку с телефоном.

Очередной автобус плавно подруливает к остановке, гостеприимно раскрывая свои двери, и на это раз я не отвергаю приглашения. Пора на работу. Времени остается как раз в обрез, чтобы добраться до офиса. К счастью, салон полупустой, и я плюхаюсь на свободное место у окна. По стеклу стекают мелкие капли начинающегося нудного октябрьского дождика, плавный ход автобуса убаюкивает, но расслабляться в дремоте нельзя – ехать относительно недалеко. С каждой остановкой народу в автобусе прибывает – верная примета движения в сторону центра. Пора выходить, и, плотно подхваченная с двух сторон такими же спешащими к выходу людьми, я выпадаю наружу.

Дождь зарядил сильнее. Я набрасываю капюшон и, взглянув на наручные часики, понимаю, что времени остается в обрез. Наплевав на взгляды прохожих, некрасивыми большими скачками перепрыгивая через лужи, какой-то невероятной походкой, напоминающей спортивную ходьбу, преодолеваю оставшиеся до офиса метры и пулей влетаю кабинет. Начальство не любит опозданий.

Глава 2

Как хамелеон, стараясь слиться с окружающей средой, проскальзываю в свой крошечный рабочий кабинетик, за тесноту прозванный мной "табакеркой". Он настолько мал, что вмещает в себя только стол, стул и книжную полку.

Завотделом Дора Сергеевна, женщина, словно уже рожденная для того, чтобы руководить, с громким голосом и монументальной, будто вылепленной из цельного куска гранита, фигурой, вырастает на моём пути, недовольно морщась.

"Опять Рощина опоздала на полторы минуты", – читаю я на её лице.

Да, хамелеон из меня никудышный. Заметила. Обязательно накапает шефу. Это точно.

У нас с ней патологическая, глухая взаимная неприязнь, впрочем, не выходящая за рамки служебных отношений. Каждый раз, когда прямые обязанности вынуждают Дору Сергеевну общаться со мной, на её лице появляется странное выражение: как будто у нее ноют зубы. Однако не поручусь, что подобное выражение не проскальзывает и по моему лицу, когда Дора устраивает мне очередной разнос за ма-

лейший промах.

Увы! Начальство не выбирают, а принимают как данность. Дора – это единственное, что отравляет моё наслаждение работой в издательстве «Пегас», где я тружусь литературным редактором. Редактор – это, на мой взгляд, звучит гордо, хотя, возможно, кто-то и посчитает его синонимом слова «неудачник».

Ну это ж надо было сегодня умудриться опоздать, выйдя из дома на час раньше обычного! Придется изображать трудовое рвение до самого обеденного перерыва, чтобы загладить вину.

Старательно пучу глаза на машинописные листы рукописи. Ручка бежит по строкам с удвоенной скоростью. Сегодня мне принесли для правки текст очередного "шедевра" королевы женского романа Ларисы Берсеньевой.

Придется попотеть. По опыту знаю, что грамотность у этой «авторицы» ой как хромает.

Судя по количеству ошибок, госпожа Берсеньева ещё в школе вместо того, чтобы изучать родной язык, потратила всю свою энергию на то, чтобы стать экспертом по делам сердечным.

Бегло пробегаю по диагонали первую главу. Сопли в розовой обертке. Ничего нового. Стандартный образчик жанра.

Готова спорить, что заранее знаю содержание. Они случайно встречаются. Влюбляются. Злые обстоятельства их разлучают. Но их любовь сметает все преграды. Они снова вместе и счастливы до свинячьего визга.

И вот эта фабула неплохо кормит Ларису Геннадьевну уже несколько лет. Впрочем, я, вот такая вся из себя умная, торчу в этом издательстве редактором на довольно скромную зарплату, а Лариса Берсеньева огребает неплохие гонорары, так что от моей критики сильно попахивает черной завистью.

Да, пора, давно пора браться за перо. Хватит вычитывать и править чужие рукописи! В очередной раз обещаю самой себе написать на досуге что-нибудь высокохудожественное и продолжаю вкалывать.

В обеденный перерыв бегу в курилку. Нет, сама я не курю, но зато курит моя подруга, Агата Полежаева, которая тоже работает в нашем издательстве.

Хотя, если честно, не Агата она вовсе, ведь родители на-

звали её Аграфена, в честь то ли бабки, то ли прабабки. Старушке той, небось, минутная радость, а девочке всю жизнь так бы и промаяться с таким именем. Но моя подруга не из таких терпивцев. Достигнув сознательного возраста, выяснив, что уменьшительно-ласкательно следует называть ее Груша, и закатив по этому поводу родителям истерику, она решила сама выбрать себе имя и заставить всех себя им называть. Вот так Аграфену уже в возрасте лет двенадцати прочно и навсегда заменила Агата.

Имя, когда-то взятое с обложки детектива, после переместилось какими-то ухищрениями и в паспорт. Да и идёт ей оно. Не могу объяснить, почему. Идёт – и всё тут!

Вот смотришь на неё – Агата. С макушки до пяток.

Чуть не на голову выше меня, стройная. Длинные густые волосы, большие глаза, прямой нос. Хорошая работа – сотрудник отдела по связям с общественностью в перспективном, пусть и не столичном издательстве. Ну что ещё нужно женщине для счастья!

Но она упорно считает себя невезучей.

С периодичностью примерно в месяц в её жизни случаются жесточайшие разочарования, в основном в мужчинах. В

такие дни я должна служить не то жилеткой, не то огромным носовым платком, впитывая Агаткины рыдания и жалобы на весь мужской род оптом.

Судя по её рассказам, у неё просто талант притягивать к себе женатых проходимцев, жаждущих необременительной интрижки на стороне.

Впрочем, сама Агата долго не заикливается на собственных проблемах. Пара дней страданий – и вот уже она подхвачена вихрем нового головокружительного романа с очередным обломком чьего-то брака, загулявшего от благоверной налево.

– Танька, привет! Никак курить начала? – орёт мне через всю курилку Агата, окруженная нашими мужиками.

Здесь, как единственная курящая женщина, она королева. Да и, честно говоря, по ней сохнут все особи противоположного пола, трудящиеся в нашей редакции. Но у нее принцип – никаких служебных романов, так что мужики наши только зря оттачивают на ней свои приёмы обольщения.

– Иди к нам! – радостно машет мне рукой Агатка, приглашая куда-то в самую гущу табачного облака.

– Ну уж нет, – встаю я на дыбы. – Давай лучше выйдём отсюда в коридор. Пассивное курение, оно, мать, препротивная штука. А мне поговорить с тобой позарез нужно.

– Так уж и позарез? – щурит свои зеленые глаза Агатка, но начинает проталкиваться к выходу. Она заинтригована такой срочностью.

Мы с ней знакомы уже пару лет. Совсем небольшая разница в возрасте (увы! – не в мою пользу) и общая проблема неустроенности семейной жизни быстро сдружили нас.

Двух лет мне с лихвой хватило для того, чтобы изучить не такой уж сложный Агаткин характер. Она просто обожает тайны и секреты. Эту девицу хлебом не корми – дай найти интригу там, где ею и не пахло. Начиталась в детстве книжек. Так и норовит приписать всем вокруг какие-то авантюрные качества. Да и вообще, все чувства у Агатки словно возведены в квадрат: шумно выражаются и бурно переживаются.

– Ну что там у тебя, выкладывай скорее, а то умру от любопытства, – аж пританцовывает от нетерпения подруга.

– Даже и не знаю, стоило ли тебя отрывать от такого важного дела, как сокращение собственной жизни путём курения, – поддразниваю я.

– Мать, не томи, я тебя когда-нибудь убью за твои шуточки. К делу давай ближе, к делу. До конца перерыва, между прочим, всего пятнадцать минут.

– К делу так к делу, – говорю я и достаю из кармана давешний бумажный огрызок с телефоном и именем Ирина. Агатка старательно изучает его с обеих сторон и непонимающе смотрит на меня. На её безмятежно гладком лбу появляется пара складочек, что в её исполнении означает глубочайшую задумчивость.

– Ну и? – требует она дальнейших объяснений.

– «Интернет-знакомства. Лучший способ поиска второй половины», – воспроизвожу я по памяти текст объявления, кажется, чуть его переврав.

– И-и-и-и-и-и! – радостно взвизгивает подруга и бросается меня душить в объятиях. – Дозрела! Наконец-то решилась выползти из своей скорлупы! Я-то уж начала было думать, что ты после развода так и прокукуешь в девках до гробовой доски.

– А то ты у нас замужем!

– Дак не сравнивай, я-то всегда в поиске, пусть пока и неудачном, а ты сидишь сиднем и ждёшь, когда под лежачий камень вода потечёт. Нет уж! Вставай, мать, и на охоту!

До самого конца перерыва Агатка разглагольствует на «охотничьи» темы, а после решительно заявляет, что «это дело» надо непременно отпраздновать и сегодня мы собираемся у нее сразу же после работы маршрутом через кондитерский отдел ближайшего гастронома.

Глава 3

Вооружившись тортиком с идиотской надписью «Поздравляю!», мы шумно вваливаемся в коммунальную Агаткину квартиру, вспугнув соседку Ираиду Сергеевну, старушку «божий одуванчик», и рыжую кошку, подобранную Агатой на соседской помойке и названную Годзиллой за фантастический аппетит.

Всего каких-то пять минут – и вот уже облегченно свистит закипевший чайник, а на блюде красуется торт, освобожденный от картонных доспехов. Мы сидим в Агаткиной комнате за антикварным круглым столом, на старинных стульях, обитых узорчатой материей, и, шумно прихлёбывая из горячих чашек, расслабленно спорим.

– А может ну их, эти Интернет-знакомства, – говорю я между двумя глотками. – Знаешь пословицу: «Не было у бабы хлопот – купила поросю»? Одна моя знакомая лет пять назад дала объявление в газету, так её чуть не смыло лавиной слезливых писем из мест заключения.

– Так то газета, – возражает Агатка, – газеты всякая шушера читает, а в интернете народ интеллигентный, образованный да и не бедный – компьютер у нас не каждому по

карману. Найдёшь себе академика какого-нибудь заслуженного или, на худой конец, профессора и будешь жить припеваючи, диссертации ему набело переписывая.

– Ага, так они и толкуются там, в Интернете, академики да профессора, меня дожидаючись. Уже в очередь, наверное, встали. Они же все поголовно женатики.

– Ну хорошо, не профессора. Тогда бизнесмена.

– Из «новых русских», о которых народ анекдоты слагает. В малиновом пиджаке и с пальцами веером, – хмыкаю я. – Скорее всего, вершиной моих поисков станет какой-нибудь щупленький, очкастый начинающий кибернетик, которого мне же ещё придётся содержать на свою зарплату.

– Да ну тебя, мать, всё ты вечно высмеиваешь. Я сейчас серьёзно. Я вот, например, рискнула бы попробовать. «Мы познакомились в Интернете», – полузакрыв глаза декламирует она нараспев. – Звучит романтично.

– Ну и в чём дело? – оживляюсь я. – Давай, вперёд! А я после подтянусь, если ты себе и вправду выловишь приличного мужа во всемирной паутине. Мне почему-то кажется, что в паутине можно только дохлую муху найти. Но если ты горишь желанием, мы на тебе опыт поставим, как на лабора-

торной мышцы. Согласна?

Агатка раздумывает ровно десять секунд. Авантюризм, кажется, снова вскипает в ее крови.

– Да запросто! Где там твоя бумажка с номером? Давай перепишу себе, – Она грозит мне пальцем. – Ох и хитра ты, мать! Втрапливаешь меня в историю, а сама в кусты?

Она торопливо царапает цифры на бумажной салфетке и выскакивает с ней в коридор, где стоит телефон – один на всю квартиру.

Уж не знаю: не нарочно или из вредности, дверь в комнату она за собой прикрывает, и разговор мне не слышен.

Возвращается она минут через десять, напустив на себя таинственный вид.

– Ну что? – спрашиваю я.

– Полный порядок. Встреча высоких договаривающихся сторон состоится завтра, – отвечает подруга.

Больше от нее по существу ничего узнать не удаётся. Без дальнейших комментариев Агата отрезает себе огромный кус торга и вгрызается своими крепкими белыми зубами в

надпись "Поздравляю!"

Ладно, подождём, пока сама расколется. Встретимся завтра на работе – всё расскажет.

– Слушай, мать, а к чему бы это во сне себя голой видеть? – меняю я тему.

Агатка у нас неровно дышит к мистике, гороскопам и прочим подобным штучкам. Сонник она чуть ли не наизусть выучила. Обожает толковать чужие сны. Уж не знаю, кем она себя мнит – Фрейдом или Нострадамусом, только к ней вся редакция бежит со своими кошмарами.

– Голой, говоришь? – оживляется Агата, оседлав любимого конька. – Ты во сне купалась голой или в зеркале себя видела? А может, это был эротический сон? Ты уж, мать, как у врача, не стесняйся, рассказывай.

– Эротический! Ха! Куда там! Несусь я голой по лесу, а за мной мужик гонится какой-то. Ножом пырнул, в конце концов, – так и померла я в том лесу. Очень похоже на эротический сон? Проснулась вся в холодном поту.

– Ну, если отбросить версию о вещем сне... – лукаво шурится Агатка.

– Типун тебе на язык.

– Тогда разложим твой сон по полочкам. Видеть себя голым во сне – к неразумным поступкам. Если тебя преследует кто-то, то это к неудачам в ближайшем будущем. А умирающим себя во сне видеть – к болезни. Насколько я помню. Если хочешь, сейчас загляну в сонник, уточню.

– Нет, спасибо. Ты мне уже и так достаточно всего приятного напороочила. Значит, говоришь, болезнь, неприятности и неразумные поступки в ближайшем будущем?

– Вроде того. В любом случае, сон плохой.

– Вот и будь после этого оптимистом.

– Да ладно, не бери в голову. Объялась, небось, на ночь. Жратва тебе всю ночь на желудок и давила. Отсюда и кошмары. Лучше скажи, над чьей рукописью сейчас работаешь? Что-нибудь интересное?

– Новое творение Ларисы Берсеневой. «Скажи счастью «да» называется.

– Надо будет обязательно прочесть. Ты же знаешь, я жен-

ские романы обожаю.

– Охота же тебе на такую муру время тратить.

– Много ты понимаешь. Читаю и тебе советую. Это ведь – как лекарство от хандры. Вроде чужой роман хэппи-эндом закончился, не твой, а настроение всё равно поднимается. Сидишь, мечтаешь, и кажется, что и в твою жизнь скоро постучится какой-нибудь принц, – вздыхает подруга мечтательно.

– Кстати, – делает неожиданный скачок Агаткина мысль, – на днях наше издательство заключило договор с одним начинающим автором, Михаилом Кожиним, о публикации серии его романов. Детективных. Но не в этом суть. У меня была возможность пообщаться с ним в кулуарах. Преинтереснейший представитель мужской породы, между прочим. Я всё своё обаяние включила на полную катушку, но, увы! Кажется, я не в его вкусе. Хотя и решительного "нет" я тоже не услышала. Так что я всё ещё надеюсь. Впрочем, если у тебя получится его заарканить, я не обижусь. По агентурным данным он не женат. Какой мужик пропадает! Ты бы, мать, взяла это дело на контроль. Если правка рукописи достанется тебе, используй шанс.

– Агатка, брось свои замашки сводни деревенской, я уж

как-нибудь сама разберусь со своей личной жизнью, – сер-
жусь я уже по-настоящему.

Прощаемся мы часа через два, когда оживленная улица за
окном пустеет. В автобусе я снова вынимаю из кармана уже
полусмятую бумажку с телефоном и именем Ирина и, заду-
мавшись, рассматриваю её. Меня терзают сомнения. Может,
стоит всё-таки попробовать? Но, выходя из автобуса, я ре-
шительно комкаю бумажный обрывок и вместе с использо-
ванным проездным билетом бросаю его в урну.

Глава 4

Назавтра я посыпаюсь совершенно больная. Голова раскалывается, горло дерет, всё тело крутит и ломает.

"Умирающим себя во сне видеть – к болезни", – вспоминаю я вчерашние Агаткины слова. Вот, блин, вещунья, накаркала!

Надо встать и вызвать на дом врача, но ощущение такое, что к каждой конечности привязано по двухпудовой гире. Собрав в кулак волю, совершаю настоящий подвиг, поднявшись с постели и дохромав до телефона. Звонок в поликлинику – вызов врача на дом. Звонок в издательство. Всё. Можно опять упасть в постель и попытаться хотя бы выспаться всласть, пользуясь редкой возможностью.

Вирус на этот раз я подцепила какой-то на редкость вредный, и следующие дней десять я медленно прихожу в норму, поедая невероятное количество предписанных лекарств. Мне уже начинает казаться, что все эти многочисленные таблетки прямо-таки гремят внутри моего желудка при любом резком движении.

Целыми днями я валяюсь в кровати, завернувшись в оде-

яло, как огромное окуклившееся насекомое. Жизнь скрашивает только телевизор.

Телефон мою жизнь, напротив, омрачает, ибо периодически голосом Доры Сергеевны напоминает, что для того, чтобы издательство уложилось в намеченные сроки издания нового романа Берсеневой, мне лучше как можно скорее вернуться к правке.

Измученная совестью, я выхожу на работу, как только ощущаю, что в состоянии твёрдо держаться на ногах, презрев возможность продлить больничный. Дора права: пора и честь знать. Спасибо болезни за десятидневный отпуск.

В офисе меня встречают с распростертыми объятиями. Оказывается, я не единственная жертва мерзкого вируса, конкретно проредившего редакционный штат, и здесь рады каждой лишней паре рук и кучке мозгов.

В обеденный перерыв первым делом спешу в курилку на поиски подруги. Десять дней не виделись, всё-таки. Она даже не позвонила, не поинтересовалась, как моё здоровье. Бьюсь об заклад, её опять увлекло бурным романом.

– Привет! – изобразив на лице улыбку, здороваюсь я с курящими мужичками, одновременно, отмахиваясь от окуты-

вающего меня табачного облака.

– Полежаева здесь?

В курилке, где до этого момента стоял ровный гул от нескольких одновременных разговоров по разным углам, вдруг повисает тишина, и все лица одновременно поворачиваются ко мне.

– Ты что, не в курсе? – каким-то странным голосом спрашивает стоящий ко мне ближе всех Мишка Кравцов из отдела рекламы.

– Не в курсе чего? – по-прежнему бодро улыбаясь, вопрошаю я.

– Так это... Агату убили.

Я смотрю на Мишу, пытаюсь прочесть на его лице, что всё это глупый розыгрыш, но постепенно до меня доходит, что он не шутит, и улыбка медленно сползает с моих губ.

– Как убили? Когда? Кто? За что? – засыпаю я Мишу кучей вопросов.

Постепенно народ в курилке снова обретает дар речи, и на

меня сыпятся подробности со всех сторон.

Мне сообщают, что несколько дней назад тело Агаты обнаружила её соседка по коммунальной квартире. Девушка была задушена. Милиция завела уголовное дело. В редакцию приходил следователь, задавал вопросы. Похороны Агаты состоялись позавчера. Судя по всему, меня либо забыли известить, либо решили не беспокоить больного человека, поэтому я, похоже, последней узнала печальные новости.

Я еле досидела до конца рабочего дня, и как только часовая стрелка на моих часах коснулась, наконец, цифры шесть, пулей выскочила из офиса.

Ноги сами понесли меня в сторону Агаткиного дома. Мне не верилось, что всё, рассказанное мне, произошло на самом деле.

Неужели Агатки больше нет? Такой жизнерадостной, полной эмоций! Неужели она лежит сейчас глубоко под землёй в узком деревянном ящике?

До сих пор судьба была милостлива ко мне, и я не сталкивалась так близко со смертью. Родители мои до сих пор живы-здоровы, а бабушки-дедушки умерли ещё до того, как я стала осмыслять окружающий мир.

Помню, в детстве, когда умирал кто-нибудь из нашего многоэтажного дома, человек мне совершенно чужой, которого я и в лицо-то не знала, мне казалось даже интересным наблюдать за тем, как выносят во двор две табуретки, после ставят на них гроб с восковолицым покойником, и вокруг него толпятся родственники и друзья. Как во двор въезжает машина или автобус, гроб, словно мебель при переезде, погружают в кузов, туда же кладут бумажные венки, залезают люди, и всё исчезает, словно и не было ничего, только раздавленные цветы, разбросанные по земле, согласно традиции, остаются грустно вянуть на солнце.

Тогда смерть казалась мне чем-то торжественным и таинственным, но вовсе нестрашным. Сейчас она застала меня врасплох, пройдя от меня так близко.

Я долго стояла в тот день во дворе дома, в котором жила Агата, глядя на окно её комнаты и глотая слёзы, пока мой желудок, некормленный с самого утра, не напомнил о себе голодными спазмами. Да и местные обитатели начали уже нехорошо коситься на меня.

Что ж, вот и попрощалась с подругой. Пора домой. Завтра опять на работу.

Жизнь не хочет притормаживать свой бег из-за одного маленького винтика, выпавшего из её механизма. Подумаешь, не стало человечка. Всё равно, что потеря одного муравья в масштабах муравейника. Остальные муравьи продолжают свою упорядоченную суету.

И я точно так же завтра побегу по своему кругу и повлачу своё существование дальше, в котором больше не будет моей жизнерадостной подруги. Закон городских джунглей.

Громко вздыхаю, вкладывая в этот вздох все остатки своего горя, и медленно бреду к автобусной остановке, кутаясь в шарф и только сейчас ощущая, как я продрогла под пронизывающим осенним ветром.

Глава 5

На следующий день мне на работу позвонил следователь, ведущий дело об убийстве Агаты. Представившись Анатолием Петровичем Гуляевым, он сказал, что хотел бы побеседовать со мной – наверняка в издательстве уже растрепали ему о нашей с Агатой дружбе.

Отказываться от встречи было глупо, и я назначила наше рандеву в обеденный перерыв в кафе неподалёку от издательства.

На мой вопрос, как мы узнаём друг друга, Гуляев ответил, что уж он-то меня как-нибудь узнает: работа у него такая, а сам он будет держать в руках коричневую папку на «молнии».

Папка оказалась в руках неожиданно молодого человека чуть ниже среднего роста, рыжего и веснушчатого, с располагающей простоватой физиономией, но из-под рыжих ресниц как два буравчика внимательно смотрели карие зрачки, сверля собеседника. Обведя ими зал, он безошибочно двинулся прямо в моём направлении.

Перед тем как сесть за уже облюбованный мной столик в

углу, Анатолий Петрович снял и пристроил на спинку своего стула кожаную куртку. На плечах следователя обнаружались капитанские погоны, и я мысленно накинула товарищу Гуляеву лет десять к его моложавому виду.

– Ещё раз здравствуйте, Татьяна Владимировна. Извините, что грубо вмешиваюсь в ваш обеденный перерыв. Это не допрос, а просто небольшая беседа. Я предполагаю отнять у вас не больше пятнадцати минут. Столько вы можете мне уделить?

Подумать только, какое воспитание! Какая вежливость! Вот уж никогда бы не подумала! Надеюсь, он не рассчитывает, что я накормлю его за это обедом за свой счёт.

– Не извиняйтесь, это же я сама предложила встретиться в кафе. Буду рада, если смогу вам хоть чем-то помочь, – блеснула манерами и я.

– К тому же, мой обед уже почти окончен, – отодвинула я от себя тарелку и, устраиваясь поудобнее со стаканом сока в руках, всем своим видом изобразила внимание, – Я вас слушаю.

– Скажите, как давно вы были знакомы с Агатой Полежаевой?

– Около двух лет, с тех самых пор, как я устроилась работать в «Пегас».

– Делилась ли она с вами подробностями из своей личной жизни?

– Да, и иногда довольно откровенными. Уточните, пожалуйста, что вас интересует. Не ждёте же вы, что я их сейчас все подряд буду вам пересказывать?

Гуляев пропустил подковырку мимо ушей.

– Ну, допустим, рассказывала ли она вам о своих отношениях с мужчинами?

– Да. Но никогда ни с кем не знакомила лично, называла их только по именам, без фамилий. Обычно она бросалась в очередной роман с головой, и пока между нею и предметом её увлечения царило полное согласие, Агата вовсе не распространялась о подробностях. Более откровенной она становилась после очередного разрыва. Знаете, счастливая в личной жизни женщина может обойтись и без подруги. Зато каждой несчастной женщине подруга просто необходима. Вот в такие моменты Агата и рассказывала мне о своих мужчинах.

– Вам известно с кем у неё был последний роман?

– В сентябре она ездила на Чёрное море с каким-то Аликом. Кажется, он даже сделал ей предложение руки и сердца. Вернувшись с курорта, они разругались.

– На какой почве?

– Самой банальной. Алик этот оказался давно и прочно женат.

– Вы уверены, что после Алика никого больше не было?

– Уверена. Весь остаток сентября и первую половину октября мы довольно часто общались, и она постоянно жаловалась на полную неустроенность личной жизни на текущий момент. Нет, появившись у Агаты мужчина, это бы не укрылось от моего внимания. Мы, женщины, чувствуем, когда где-то рядом заводится роман или интрижка, как кошки чувствуют приближение землетрясения. Я уверена, что у неё никого не было. Она даже объявление в Интернете собиралась разместить. Не знаю, сделала она это или нет, потому что на следующий день после того, как мы с ней это обсуждали, я заболела, а потом случилось это... Ну, в общем, я больше её не видела.

Капитан, насторожился:

– А что это за объявление в Интернете, о котором вы упомянули?

Я пожала плечами:

– Вообще-то, это была моя идея. Увидела объявление на автобусной остановке около моего дома, оторвала листочек с телефоном, сунула в карман, а позже, когда была в гостях у Агаты, предложила ей попытать счастье таким образом.

– Вы сами звонили по этому телефону?

– Нет.

– Вы помните текст этого объявления?

– Только приблизительно. Что-то про знакомства через Интернет, буквально пара строчек, номер телефона и женское имя.

– Какое?

Изящным движением кисти я нарисовала в воздухе математический знак бесконечности.

– Не помню точно. То ли Ирина, то ли Марина.

– А номер телефона?

Я посмотрела на капитана Гуляева, как на ненормального. Неужели сам он держит в памяти кучу ненужных телефонов?

– Тем более не вспомню. Кажется, в нём было несколько одинаковых цифр. Семёрок или двоек. Я в тот же вечер выбросила этот листок. К сожалению, это всё, чем я могу вам помочь, – попыталась я дать понять Анатолию Петровичу, что пора свёртывать нашу беседу – перерыв-то не резиновый.

Товарищ следователь намёка не понял и продолжил свой допрос как ни в чём не бывало:

– Скажите, Агата звонила по номеру, указанному в объявлении, в вашем присутствии?

– Нет, она звонила из коридора, а я находилась в комнате.

– Вам был слышен разговор?

– Нет.

– Она пересказала вам после содержание разговора?

– Нет, сказала только, что на следующий день у неё назначена встреча по этому поводу.

– С кем?

Во мне уже начало вскипать тихое раздражение от этого пинг-понга из вопросов и ответов. Но не пошлешь ведь капитана милиции открытым текстом.

– Понятия не имею. Наверное, с этой Ириной-Мариной.

– Скажите, а не хранила ли Агата у себя каких-то очень ценных вещей? – круто сменил тему Анатолий Петрович.

– Коллекцию фамильных бриллиантов? – не удержалась и уже в открытую съязвила я.

– Зря иронизируете по этому поводу, Татьяна Владимировна. Я пытаюсь найти причину, по которой ваша подруга была убита. Вполне возможно главной целью преступника были какие-то ценности.

– Какие там ценности! Да, Агата рассказывала мне, что прабабушка её была известной оперной певицей, всю жизнь собирала коллекцию живописи. Но за годы войны почти вся коллекция разошлась в обмен на продовольствие – только так членам семьи и удалось выжить в блокадном Ленинграде. Потом семья ещё несколько раз переезжала, а, как известно, один переезд равен двум пожарам, так что от всего бывшего великолепия в семье осталась всего одна небольшая

картина. Агата называла мне имя художника, кажется, Корвин, не помню точно. Я в живописи не очень-то разбираюсь. Агата говорила, что это полотно дорого стоит, но продавать она его не собирается, потому что это память от бабушки, так оно и висит у неё в комнате.

– Вы имеете в виду пейзаж над диваном? – перебил меня Анатолий Петрович.

– Да.

«Раз Гуляеву известно, что это был именно пейзаж и что висел он над диваном, значит, картина осталась на месте», – сообразила я.

– Было ли в комнате ещё что-то ценное?

Я пожала плечами:

– Ну, музыкальный центр, телевизор, сервиз фарфоровый, тоже доставшийся в наследство... Она любила хорошо одеваться, на это всю зарплату тратила: шуба у неё была изнутри, платьев, костюмов куча, бельё дорогое.

– Драгоценности?

– Были у неё какие-то цепочки, колечки. В основном по-

дарки от мужчин. Она их особо не прятала, держала в жестяной коробке из-под чая на трюмо. Там же хранила и деньги.

Анатолий Петрович что-то записал в маленький блокнотик и задумчиво произнёс:

– Марку музыкального центра случайно не помните?

– Да я её никогда и не знала.

– Гм, ладно, – наконец-то Анатолий Петрович поднялся из-за стола и потянулся за своей курткой.

– И последний вопрос, – произнёс он, уже застегнувшись на «молнию» и взяв под мышку свою коричневую папку. – Скажите, вы случайно не знаете среди близких знакомых Агаты высокого широкоплечего мужчину?

– Ну, таких у нее был не один десяток. Вы уверены, что с этим человеком у Агаты был роман?

– Мужчина с такими приметами был, по словам соседки, у Агаты в день убийства.

Я уверенно помотала головой:

– Если у неё и был этот мужчина, то уж не по амурным делам, это точно. Со своими кавалерами она предпочитала

встречаться на их территории. Это правило она соблюдала строго.

– Что ж, спасибо вам за содействие. Позвоните мне, если вспомните что-нибудь ещё. Вот моя визитка. Здесь служебный и сотовый.

Я растягиваю губы в вежливую улыбку, беру визитку, мы прощаемся, и я провожаю взглядом до выхода из кафе невысокую фигуру товарища Гуляева.

Вечером, возвращаясь после работы, я пытаюсь найти то самое объявление на стене дома у автобусной остановки.

Увы! Мои попытки безуспешны. Судя по всему, оно уже кем-то сорвано, и на его месте красуется теперь фотография неестественно улыбающейся женщины в купальнике, с закинутыми за голову руками и выпяченным вперёд плоским животом. «Хотите узнать, как похудеть?» – вопрошает рекламная дива.

Чувствуя, как во мне вскипает прилив весёлого хулиганства, я не выдерживаю, достаю из сумки фломастер и пишу под вопросительной фразой своё резюме: «Не надо много жрать!»

Дав этот совершенно бесплатный, выстраданный на собственном опыте, совет всем желающим, я топаю домой, чувствуя, что отступившее на мгновение мрачное настроение, вновь начинает одолевать меня.

Глава 6

Всю следующую неделю я вкалываю на пределе, преследуя две цели сразу. Во-первых, отвлечься от мыслей об Агаткиной смерти, а во-вторых, успеть сдать вовремя роман Берсеневой. Дело продвигается медленнее, чем хотелось бы.

Если бы проблема редакторской правки рукописи заключалась только в исправлении грамматических ошибок, то, быстренько подправив орфографию и синтаксис, я бы на этом закруглилась.

Увы! Мадам Берсенева – человек, увлекающийся сюжетом настолько, что различные мелочи просто ускользают от её внимания. То у неё героиня в начале эпизода появляется в бикини, а через пару минут её страстный любовник почему-то расстёгивает на ней платье, неизвестно как на ней оказавшееся. То она садится в автомобиль, а выходит по неизвестным причинам из автобуса.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.